

Лит. Россия, — 1989, — 26 мая (№21), — С. 4.

ДУМАЯ О ЛЕОНОВЕ

В НАШЕЙ суетной, торопливой жизни, в столкновении литературных самолюбий, в групповой грызне, в низменной устремленности обидеть и унижить собрата по перу, в утверждении собственной амбициозной истины как единственно верной, абсолютной, в разгребании социальной грязи и в проклятиях больному отходящему времени, продуктом которого являемся и мы сами, целебно помнить, что где-то рядом живет и работает Леонид Леонов.

Живой классик.

Неоспоримость его авторитета, громадность созданного им художественного мира, эстетическое новаторство и философская дерзость, наконец, чистота и первоизданность слова Леонова — все это воспринимаешь сегодня, в некий принципиальный, поворотный для нас час, как залог здоровья или, может быть, лучше сказать, выздоровления литературы, нашей родной российской словесности. Помпезность и угодничество перед сильными мира сего, стойкое обслуживание сиюминутности, а не служение истине и красоте, мелкотравчатость, уездный провинциализм мышления, готовый, впрочем, тут же симулятивно притвориться вселенской философией, непомерность писательского самолюбия, без меры и без конца преувеличение себя, скромного своего дара — всё это наши общие беды, которые особенно тревожно высвечиваются вблизи высшей, леоновской пробы, требовательности.

Требовательности к себе и к своей работе великого писателя.

«Что происходит с нашей литературой? — говорил в частной беседе Леонид Максимович. — Откуда это распутство? Нет указующего перста, который призывал бы к серьезной работе. Нет авторитета, каким был Горький...»

Но есть авторитет Леонова.

Его создания давно и прочно стали символами нашего духовного бытия, собирая временное и вечное в некий мощный синтез. «Русский лес» — глубинный образ нашей нации; «Золотая карета» — развернутая философская метафора счастья; «Дорога на Океан» — путь к человеческой Мечте. Мифотворчество и антиутопия (наподобие сказания о Калафате из «Барсуков») соединены в леоновском творчестве, где осторожная, выверенная на-

дежда соседствует с грозным предупреждением о возможности вселенского Апокалипсиса, пафос утверждения здоровых, непреходящих ценностей позволяет еще разче отвергнуть «бриллианты для бедных», предлагаемые псевдоискусством. Леонов ожидает произведений, «которые время от времени заставляют взгляды на звезды. Хотя бы для гимнастики, чтобы не атрофировалась шея. Это совершенно необходимо: без этого слово «человек» начинает звучать менее гордо».

Уроки Леонова поучительны и многозначны.

В эпоху, которая сегодня трактуется как беспросветная, Леонов среди прочих проблем художественно исследовал и такую: «Как я должен вести себя, когда мое государство стреляет в меня?». Об этом — и пьеса «Метель», запрещенная как злобно-клеветническая, и «Нашествие», и повесть «Evgenia Ivanovna». Он имел право сказать: «Мои книги прошли через шпигруты». И актом гражданского мужества видятся сегодня многие подробности леоновской биографии. Например, эпизод, связанный с выпуском коллективного сборника, который был посвящен строительству Беломорско-Балтийского канала и происходившей будто бы там «перековке» преступников и «врагов народа».

— Я участвовал в поездке, организованной Горьким, — рассказывал Леонид Максимович в частной беседе. — Помню парход, роскошный буфет, оркестр, беспрерывно играющий вальсы. Дирижер — румяный толстяк, у которого от упитанности фалды пиджака не сходятся зади. Я спросил: «Кто это?» — «Видный румынский шпион!». А по берегам, — продолжал рассказ Леонов, — стояли, беспрерывно кланяясь, мужики, с зелеными бородами, худые, руки ниже колен...

После поездки рапповский вождь Л. Авербах собирал участников в ресторане «Метрополь», чтобы организовать сборник, воспеваящий новостройку (почетным куратором книги был сам начальник ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода, кстати, родственник Авербаха). Леонов не явился. Не пришел он и в следующий раз. Авербах звонил ему: «Ворчит на вас Генрих Григорьевич, спрашивает: «Это что же, саботаж?». Леонов не был и на третьем собрании. Постыдная книга, новое Евангелие, украшенное именами цвета литературы от Горького до Зощенко, вышла.

— Боялся, не подходил к телефону, — вспоминал Леонид Максимович. — Щекотно, знаете, было. Но меня там нет...

В том гигантском социальном эксперименте, материалом которого стали десятки миллионов людей, по словам Леонова, «мимходом повредили какой-то очень важный ген». В 1931 году начал печататься еще глубинно не прочитанный нами роман «Скутаревский», где, в частности, некий аноним посылает герою-докладчику записку. В ней он просит «напомнить ему, где именно у Бебеля сказано, что для построения социализма прежде всего нужно найти страну, которой не жалко». Разумеется, у Бебеля быть не могло подобного высказывания, и фраза, как помнится герою, принадлежит бебелевскому оппоненту Бисмарку...

«Где находится человечество сегодня? — размышляет Леонов. — Я стремлюсь это определить. Я не могу сказать, что могу найти его точное местоположение. Нужна концепция, достаточно гармоничная — как религия, — которая прочно соединяет все...». В эпоху, когда человечество вступило в лабиринт неуправляемого технического прогресса, где в любой миг его может поджидать трагическая встреча с ядерным Минотавром, Леонид Леонов работает над романом «Мироздание по Дымкову», обращенным к самой сути бытия.

Гражданин, патриот, философ, создатель уникальной интеллектуальной прозы, он продолжает свой непрерывный подвижнический труд во имя здоровья человечества.

Низкий поклон Вам, Леонид Максимович, от имени литераторов России! Спасибо Вам великое за Ваш писательский подвиг!

Олег МИХАЙЛОВ